

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего Евлогия,
архиепископа Сумского и Ахтырского

Тема номера: **ВЕРА И ЖИЗНЬ**

Бог свободы и проблема зла

Не только неверующие, но и верующие – те из них, кто серьезно задумываются над вопросами веры, – часто высказывают следующее сомнение: «Если бы Бог существовал, разве допустил бы Он такое господство зла в мире на протяжении тысячелетий?»

Это сомнение высказывается из столетия в столетие, и отмахнуться от него нельзя, потому что повседневный опыт как будто подтверждает его законность: действительно, зло слишком часто торжествует в мире и своим успехом как бы оправдывает себя.

«Если бы Бог существовал, Он этого бы не допустил!» – часто говорит человек в отчаянии.

Что же на это ответить?

Преимущество неверия

В споре между верой и неверием, который ведется извечно, а не только в наши дни и не между людьми только, но и в каждой душе человеческой, самый трудный вопрос для веры – этот: «Откуда и почему столько зла в мире?» Как часто приходится слышать: «Если бы ваш Бог существовал, разве Он допустил бы все это? Допустил бы это переполняющее мир страдание, личное и коллективное, эти несчастья, болезни, ужас разлуки и смерти, бесконечное торжество несправедливости, ненависти и насилия?»

В романе «Братья Карамазовы» Достоевский сводит все это к знаменитому вопросу о слезинке замученного ребенка. Иван Карамазов утверждает, что такого допустить нельзя, а если Бог допускает и малейшее зло в целях какой-то непонятной «будущей гармонии», то он почтительнейше возвращает Ему «билет». Неверию легче ответить на этот мучительный вопрос, ибо оно не претендует на веру в доброго, любящего, всеблагого Бога и поэтому не обращается к Нему с вопросом, как же допускает Он нескончаемые мучения сотворенного Им, да еще по Своему образу и подобию, человека. Неверие как бы говорит: «Попробуем это зло и это мучение ослабить,

уменьшить. Сделаем, что можем». Но дальше этого неверие не идет, ибо зло в мире так же естественно для него, как плохая погода, наводнения, эпидемии. Защита от дождя – зонтик, от наводнения – заградительные сооружения, от эпидемий – профилактика и медикаменты. Тут нет вопроса о происхождении зла и ответственности за него, а только о той или иной форме борьбы с ним. И потому неверие в этом споре имеет преимущество над верой. Больше того: вера очень часто кажется неверию малодушным бегством от зла и настоящей борьбы с ним.

И действительно, вера выглядит подчас как своего рода нравственный эгоизм, с одной стороны, и как фатализм – с другой. Вот гибнут в катастрофе десятки людей, вот на экране телевизора показывают нам детей, умирающих в Африке от голода. И от этого кошмара массовой гибели, от ужаса в этих детских глазах, от невыносимости всех человеческих страданий многие верующие спасаются благочестивыми отговорками: «Что ж, видно, так угодно Богу», «На все воля Божия», «С Богом не поспоришь». А что, в сущности, они значат? Что Богу угодно, чтобы в страшных мучениях умирали ни в чем не повинные дети? Чтобы корчило от боли созданное для жиз-

ни молодое тело? Чтобы веками, тысячами плакали в безысходном горе матери? И каким лицемерием, какой ложью, каким эгоизмом отдают все слова, которыми мы по привычке утешаем страдающих, до тех пор, пока это страдание не ударило по нам, пока не появилось над нами страшное облако болезни, мучения, смерти!

Нет, не может вера отмахнуться от самого трудного, самого мучительного из всех человеческих вопросов: «Откуда зло? Почему постоянно торжествует оно в мире?» Но чтобы ответить на него, нужно постараться понять, что в подходе к злу религия религии и вера вере рознь. Ибо всегда существовали религии, основной, часто неосознанной целью которых как раз и была помощь человеку в его примирении с мировым злом и страданием, в ослаблении их воздействия на сознание. Как современная медицина помогает болеть и умирать не страдая, так и эти «природные» религии помогали переносить зло и, по возможности, даже не замечать его. И именно эта, общая для всякой «природной» религии черта находит свое выражение в утешительных словах вроде: «На все воля Божия!»

Современный верующий удивится, пожалуй, при напоминании, что христианство, Евангелие и Сам Христос восстают против такой «анестезирующей», фаталистической религии и именно в ней видят страшное извращение истинной веры. Если Платон, например, в некоторых своих диалогах пытается доказать, что смерть - это освобождение души от темницы тела, а истинная мудрость в том, чтобы желать смерти, то христианство словами апостола Павла называет смерть последним врагом (см. *1Кор.15:26*). Сам Христос, пришедший ко гробу Своего друга Лазаря, плачет, видя торжество смерти в мире. И во время земного Своего служения Он ни разу не ссылается на «волю Божию» при виде смерти, страдания и зла. Христос воскрешает сына вдовы, умножает хлебы для голодных, исцеляет больных. Это не религия примирения со злом и страданием, это не фатализм, не утешение пустыми словами. Все Евангелие говорит о противостоянии злу лицом к лицу.

Но оно же учит нас подходить к злу не с доводами разума и достижениями науки, а как к явлению иррациональному, чье происхождение неведомо человеку. В самом деле, Бог, по слову Священного Писания, не сотворил смер-

ти (*Прем.1:13*), но вот она торжествует в мире; Бог есть любовь, но вот в мире царит ненависть; Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы (*1Ин.1:5*), но вот мир исполнен мрака. Поэтому среди основных вопросов, волновавших христианских мыслителей, всегда был вопрос о так называемой теодицее, - о том, как объяснить это парадоксальное и иррациональное торжество зла в мире.

Корень всех зол

Наша эпоха в особенности отмечена ненасытной жаждой найти наконец средство от зла и страдания. Одни видят это средство в коренной перестройке общества и прежде всего - экономики, от которой зависит удовлетворение основных человеческих потребностей, другие проповедуют всевозможные «духовные» рецепты. Но все эти идеологии сходятся в утверждении, что человечество способно рационально уничтожить зло и добиться счастья, и притом счастья для всех. Поэтому изложение христианского взгляда на зло нужно начать с разоблачения рационалистического подхода, который основан на беспочвенном убеждении, что зло - всего-навсего некий недостаток, для уничтожения которого требуется одно: понять, в чем его сущность.

Зло иррационально. И это не очередная теория, не абстрактный принцип, а то, что известно человеку из его непосредственного, каждодневного опыта. Об этом же свидетельствует и все искусство. Не случайно одной из главных тем поэзии всегда была любовь и связанное с нею страдание. Какими теориями, какими идеологиями объяснить, например, муки неразделенной любви, ужас измены, разлуки, расставания? Как бы рационально ни перестраивали общество, экономику, аппарат власти и т. п., этот неподвластный времени опыт личного страдания все равно остается. Я говорю об этом опыте потому, что на его примере лучше всего видна нищета всех современных теорий будущего счастья. Допустим, что все наконец будут сыты, что удастся победить нищету и голод; допустим, что в мире, как обещают все идеологи счастья, введены будут равенство, справедливость и максимальное удовлетворение всех житейских нужд; допустим, наконец, что каждый получит возможность свободно избирать род жизни, труда и развлечений. Все это, сколь ни кажется утопическим, в плане рациональном хотя бы допустимо, как допустим, к примеру,

прогресс в области медицины и связанное с ним сокращение физических страданий. Но, быть может, именно тогда, когда в разуме и воображении мы уже построили всеобщее счастье, становится очевидно, что зло, подлинное зло, глубже всего этого и корень его иррационален. Недаром библейский рассказ о происхождении зла первое обнаружение его связывает не с недостатками мироустройства, а с раем. Ибо, согласно Книге Бытия, именно в раю, т.е. в полноте радости и блаженства, первочеловек Адам захотел... о, не зла как такового, конечно, а того, что привело к грехопадению, в котором христианская вера всегда видела проявление глубинной сущности зла.

Чего же захотел первочеловек Адам? Упрощая, можно сказать, что захотел он жизни для себя и только с собою; власти, ничем не ограниченной; смысла, им самим созданного. Устами Бога-Творца Библия говорит об этом так: Адам захотел быть как Бог (*Быт.2:22*).

Жизнь дана была человеку затем, чтобы смысл ее лежал вне его - в любви, самоотдаче, служении и радости от них. Но именно этот смысл человек отверг и продолжает отвергать в теориях и идеологиях, сулящих ему как будто всецелое и окончательное счастье. Ибо все эти теории и идеологии сходятся в том, что счастье есть полное удовлетворение внешних нужд и потребностей человека.

А что если именно тут настоящий, глубинный источник зла? Что если тут, в этом безостановочном самоутверждении человека и человечества настоящая причина того страдания, которым так очевидно переполнена вся наша жизнь? Что если в этом сведении всей жизни к одному стремлению - не страдать - и коренится само страдание? Так подходим мы к той тайне зла, которая, сколько бы ни отвергал ее человек, неизменно присутствует в бытии мира. И именно в раскрытии этой тайны - смысл Евангелия, смысл проповеди Христовой и, главное, смысл того страдания, которое оставлено нам как образ победы, как путь к единственно подлинному счастью.

Страстное желание освободиться

Современный человек почти не знает уже, что такое раскаяние, или покаяние. Не знает, потому что его научили видеть источник всего нехорошего не в себе самом, а вовне - в чем-то безличном; по отношению к чему сам он всегда только жертва. Если плоха жизнь, если вокруг нас столько зла и страдания, то это пото-

му, что общество несправедливо распределяет материальные блага - пищу, одежду, квартиры. Если страдает человек, то это потому, что наука не все еще объяснила и разрешила. Если не чувствует себя счастливым, то потому только, что недостаточно уяснил законы, управляющие миром и жизнью, и надо всего-навсего вдолбить ему эти законы, перевоспитать так, чтобы сознание его стало «научным», всецело подчиненным теории, которая раз навсегда объяснила, в чем зло и как его уничтожить. Поэтому в нашей цивилизации не осталось места для глубокого вздоха, с которого в христианском опыте жизни начинается все то, о чем и сам призыв Христов: **«Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное»** (*Мф. 4:17*). Без этого вздоха, без этого пробуждения совести невозможно объяснить себе тайну зла, невозможно и начать борьбу с ним. Тут кончаются все теории, все философии, все рассуждения; тут начинается то, что одно только способно новым светом осветить жизнь и дает силы не только заново осмыслить ее, но и по-новому жить.

Откуда же и о чем этот вздох? Конечно, все разговоры и рассуждения о нем бессмысленны, если не признать как самоочевидность наличие в человеке той внутренней глубины, того таинственного духовного органа, что издревле зовется совестью. «Жить по совести», «совесть не велит», «совесть замучила», «очистить совесть» - так почти невольно всегда говорил человек, так и сейчас говорит он, сколько бы ни внушали ему, что зло «объективно» и познание, как и уничтожение его, - задача «объективной» науки. Далеко не всякий человек даст «научное» определение совести, но нет человека, который не ощутил в себе хоть раз в жизни, хоть на минуту, на секунду некий голос, который невозможно заглушить и который звучит как голос последней правды, последнего беспощадного в беспристрастности своей суда. Нет, это не просто «голос разума», которым мы так часто оправдываем в своих гладких рассуждениях любое зло, не просто «голос морали» - морали, которую, как нам все время разъясняют, можно вывести из чего угодно: из «классовой борьбы», «интересов нации» и т. п. Ибо в том-то и уникальность совести, несводимость ее ни к чему другому, что она одновременно и нечто самое глубокое во мне, как бы я сам на последней своей глубине, и то, что обращено ко мне как голос,

призыв, увещание, словно бы кто-то другой во мне судил, звал, оценивал, просвещал меня.

Ясно одно: совесть есть, и это не «выдумка», не «надстройка», не «субъективное переживание». И в последнем счете, сознательно или бессознательно, только совестью, и ею одной, по-настоящему оцениваем мы себя и других, хотя и заглушаем ее всевозможными самооправданиями вроде «с волками жить - по-волчьи выть» или примитивными, ничего не объясняющими теориями, убегаем от нее в пьянство, буйные увеселения и разврат. Такое бегство, однако, бесполезно: совесть есть. И вот внезапно приходит от нее этот глубочайший вздох, это пронизывающее, как молния, сознание нашей глубочайшей вины, неправды, внутреннего уродства, но одновременно - страстное желание освободиться от этого бремени, очиститься, возродиться. Отсюда и начинается раскаяние. Оно делает самоочевид-

Мы живем в такое время, когда нам необходима благодатная помощь Божия, — почти каждый день, как то было в древние времена, во времена святых апостолов, когда практически каждый день христиане собирались для того, чтобы совершить Святую Евхаристию. По многим обстоятельствам для нас невозможно такое частое причащение — и потому что мы заняты работой, трудимся, а если даже на пенсии, то как много суеты, забот, которые поглощают большую часть нашего времени! И нельзя, как говорит апостол Павел, вкушать Тело и Кровь Христову в суд или во осуждение. Нужно приуготовлять себя к этому великому Таинству, но не так, чтобы приготовление становилось препятствием к причащению. Ведь многие говорят: «я не приготовился и потому не пойду причащаться», понимая под приготовлением длительный и сложный процесс. Этот процесс необходимо проходить по крайней мере несколько раз в году, особенно во время постов. Но когда нет возможности в полной мере исполнить все предписания, нужно ограничиться самым необходимым — посещением храма накануне, чтением молитвенного правила перед причащением, исповедью, невкушением пищи до принятия Святых Христовых Таин и, что самое главное, — примирением с ближними.

ным для нас то, что к разгадке тайны и сущности зла приводит не разум, не мораль, не идеология, а только совесть - таинственный свет, который горит в душе и никогда не угашается до конца всей тьмой, всем безобразием падшей жизни. Совесть - это загадочный голос, про который неизвестно, откуда он приходит и как становится слышен, но вот он говорит - и мы слушаем, обличает - и мы соглашаемся. Это голос, который дает нам силу оценивать себя изнутри и верить этой оценке.

Итак, именно с совести и потому - с раскаяния начинается приближение наше к той тайне зла, о которой мы все время говорим.

Протопресвитер Александр Шмеман

*(Начало. Продолжение –
в следующем номере)*

Нельзя причащаться в непримиренном состоянии, потому что если мы не примиряемся, то, по слову апостола, вкушаем суд и осуждение себе. И если таким образом со смирением, с осознанием своей греховности, с надеждой на помощь Божию мы приступаем к святой чаше так часто, как можем приступать, то Господь восполняет наши силы, такие немощные по человеческой природе.

Так, в общении с Ним, мы обретем спасение. Ради этого и пришел Спаситель. Он не пришел для того, чтобы каждого сделать святым. Он не пришел для того, чтобы каждого сделать счастливым. Он не пришел для того, чтобы каждого сделать богатым. Но Он пришел для того, чтобы открыть нам возможность спасения. И величайшим к тому средством является Таинство Тела и Крови Его, Таинство Святой Евхаристии.

*Патриарх Московский и всея Руси
Кирилл*